

Я НЕ ВЫЖИЛ ПО ПРАВУ
Я ВЫЖИЛ ПО ОШИБКЕ

ГОЯД

СИНДРОМ ВЫЖИВШЕГО

Karter Khan

ГОЯД

СИНДРОМ ВЫЖИВШЕГО

Karter Khan

**GORD - СИНДРОМ
ВЫЖИВШЕГО**

«Автор»

2026

Khan K.

GORD - СИНДРОМ ВЫЖИВШЕГО / К. Khan — «Автор», 2026

Мир уже закончился. Но это не история о конце света. Это истории тех, кто остался после него. Россия, Нью-Йорк, Монголия, Перу, Окинава, Ближний Восток. Шесть людей, которые никогда не должны были встретиться и пока даже не знают о существовании друг друга. У каждого свой способ остаться человеком — и не каждому это удаётся. Кто-то спасает ребёнка. Кто-то сохраняет знание. Кто-то учится доверять. Кто-то превращает язык в оружие. А за пределами их маленьких историй существует причина катастрофы, которую человечество ещё не способно понять. «Синдром выжившего» — научно-фантастический роман-мозаика о цене человеческого после исчезновения привычного мира.

© Khan K., 2026

© Автор, 2026

Содержание

История первая Аврора	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Karter Khan

GORD - СИНДРОМ ВЫЖИВШЕГО

История первая Аврора

I. Китовый погост

Когда ледовый транспорт «Аркадия» лёг в дрейф у Кольского берега, судовые часы показывали половину четвёртого ночи. Солнце висело над водой, белое и холодное, словно кто-то забыл его выключить.

До материка оставалось меньше мили. Берег начинался низкими каменными уступами, за которыми темнела полоса леса. Между судном и сушей из воды поднимались китовые рёбра. Одни ещё сохраняли желтоватый цвет старой кости, другие почернели от водорослей и нефти. По такому фарватеру «Аркадия» не прошла бы, поэтому Сергей с Петровичем спускались в моторную лодку.

У Сергея была короткая «Сайга», четыре магазина и ракетница. Петрович взял только пистолет Макарова, два запасных магазина, топографическую карту и металлический футляр с приборами для проверки семян. Пистолет он носил под расстёгнутой телогрейкой и каждый раз морщился, когда рукоять упиралась в бок.

— Надо было тебе ружьё взять, — сказал Сергей, передавая ему рюкзак.

— Надо было мне дома остаться.

— У нас больше нет дома.

— Вот поэтому и не остался.

Матрос у шлюпбалки опустил глаза. На «Аркадии» старались не употреблять это слово вслух. Домом называли каюту, отсек, койку, иногда весь Авалон, хотя у большинства под этим названием по-прежнему всплывало что-нибудь другое: кухня с дешёвыми обоями, подъезд, пропахший кошками, дача, которую так и не достроили.

Лодка ударилась днищем о волну. Петрович уселся у мотора, проверил горловину бензобака и потянул стартер.

— В порту ждём двое суток, — крикнул с палубы старпом. — На третьи уйдём независимо от того, вернётесь или нет.

— Очень обнадеживает, — ответил Сергей.

— Я для точности.

— Тогда уточните ещё, кто заберёт семена, если мы опоздаем.

Старпом посмотрел на него сверху.

— Никто.

Петрович дёрнул шнур. Мотор захлебнулся, выпустил сизое облако и заработал.

— Всё, Серёга. Отвязались.

Матрос сбросил канат. Между лодкой и бортом появилась чёрная полоса воды, затем расширилась, и «Аркадия» начала медленно отступать. Её серый корпус выглядел почти чистым на фоне моря. За иллюминаторами стояли люди, но Сергей старался туда не смотреть.

Петрович вывел лодку на створ между двумя китовыми скелетами. Вода здесь была мелкой. Под винтом тянулись заросли бурых водорослей, обрывки сетей и кабели, давно утратившие начало и конец.

— Местные моряки называли это Китовым погостом, — сказал он.

— Откуда знаешь?

— На карте написано.

— На карте написано «безымянная губа».

— А на обороте я подписал.

Сергей оглядел кости. Один из черепов лежал на боку, наполовину скрытый водой. Из глазницы росли длинные зелёные нити. При каждом движении волны они приподнимались и опадали, будто мёртвый кит продолжал дышать чем-то, что поселилось внутри него.

— И зачем ты подписал?

— Чтобы место запомнилось.

— Оно и так запомнится.

Петрович посмотрел на него, затем снова повернулся к берегу.

— Значит, правильно назвал.

Мотор выключили за сотню метров до суши. Дальше шли на вёслах, боясь намотать сети на винт. Лодка протискивалась между костями, царапала борт о рёбра. Где-то в глубине губы перекликались чайки. Сергей давно не слышал столько птиц сразу и сначала принял их голоса за скрип металла.

Они вытащили лодку на камни, слили бензин в канистру и замаскировали корпус выцветшим брезентом. Петрович сверил компас с картой.

До Мурманска было сорок с небольшим километров. Сергей не видел его шесть лет — с тех пор, как всё началось. «Аркадия» должна была обогнуть полуостров и встать у восточного мола, где разведка обнаружила расчищенный подход к порту. Старое хранилище находилось в стороне от маршрута, за заброшенной лесной деревней. На довоенной карте туда вела дорога; сохранилась ли она теперь, никто не знал.

Идти сразу Петрович отказался. Они провели в лодке почти семь часов, а в лесу уже лежал густой туман. Полярный день сохранял свет, но не видимость.

Место для ночлега нашли выше приливной линии, в ложбине между камней. Дров оказалось мало: выбеленные ветки можжевельника, куски ящиков и доска с облупившейся надписью «НЕ КУРИТЬ». Сергей расколол её прикладом. Петрович посмотрел на надпись, однако замечание оставил при себе.

Огонь разгорался тяжело. Дым стелился вдоль земли и щипал глаза. Петрович поставил на угли кружку со снеговой водой, бросил туда две щепотки чая, который использовали уже третий раз, и разломил сухарь.

Сергей сидел на корточках, натягивая на шею шарф из собачьей шерсти — единственную вещь, оставшуюся от бабушки.

— В чём смысл жизни? — вдруг буркнул он, отворачиваясь от костра. — В чём смысл всего этого, Петрович? Даже если удастся прожить 80, 90 лет. Какой к чёрту смысл? Жить вот так, прятаться по углам и есть консервы?

Петрович нахмурил густые брови, вытащил из кармана потёртый кисет и отсыпал в ладонь остатки махорки — он берег её для важных моментов. Свернул козью ножку, прикурив от уголька. Он улыбнулся и затаился. Дым был горьким, терпким. Он смаковал его, как дорогое вино.

— Смысл? — переспросил он наконец. — Ох, молодой ты, конечно. Но именно этот вопрос, который задают многие люди, будет поддерживать религию ещё очень долго. Пока есть смерть, есть страх, есть этот вопрос — будет и вера.

Сергей зевнул и с наплывшей дневной усталостью тяжело опёрся на локоть, подтянул колени к груди, чтобы согреться, и бросил взгляд на Петровича. Шмыгнул носом от ветра и протянул руки к пламени.

— Вот это уже интересно, — сказал он. — Ты прям философ.

— Для многих, Серёга, смысл жизни — служить Богу. — Петрович сделал затяжку. — Так говорят попы. Так говорят все, кто не хочет думать головой.

— Хорошо. — Сергей нахмурился. — И это мне кажется странным. Если бы я создал вселенную... Мне не нужно было бы, чтобы люди меня восхваляли. Это просто... кажется нелепым. Я бы просто создал это и наслаждался процессом.

— Вот поэтому я и думаю, что нет Бога, — Сергей недовольно посмотрел на старика. — Как можно таким наслаждаться? Весь мир его восхвалял. Каждый по-своему. И где этот мир сейчас? В огне?

— Я понимаю тебя, Серёга, — ответил Петрович, и его голос стал мягче. — Но если бы я создал вселенную... я бы создал её такой, как она есть. Живой. И тут же занялся бы следующей. Я в него верю, но мне всё равно странно, что абсолютно всемогущая и всезнающая сущность требует твоего полного подчинения. Я почти прожил всю жизнь, и я не понимаю эту концепцию. Но честно говоря... — он замялся. — Я понимаю другое. Ты спрашиваешь о смысле жизни.

Сергей укутался сильнее. Ветер с океана пронизывал насквозь, зубы начали выстукивать дробь.

— Что такое смысл, Сергей? Я сам создаю смысл. Черпать смысл — значит создавать его. Мы не находим смысл как грибы в лесу. Мы его делаем.

— Петрович, ну скажешь тоже, — усмехнулся Сергей. — Тоже мне создатель. Создал бы лучше чашку кофе. Мы тут подохнем на этом холоде. Мы тут за провизией для людей, а твой смысл не за камнем и не за деревом.

— А я всё ищу, — тихо сказал Петрович, глядя в огонь. — Ты понимаешь, Серёга, что у тебя жизнь впереди. У тебя есть сила создавать смысл. У всех нас есть такая возможность. Сегодня я хочу узнать то, чего не знал вчера. Завтра я хочу узнать то, чего не знал сегодня. Так я расширяю понимание мира. И ещё я хочу сделать что-то, что уменьшит страдания других.

— Почему?

— Потому что, если у меня есть возможность сделать этот мир чуточку лучше, я это сделаю. — Петрович повернулся к собеседнику, и его глаза блеснули в отсветах пламени. — Я ценю счастье. Потому что людям нравится чувствовать себя по-настоящему счастливыми. Даже сейчас. Посмотри на себя. Сидишь злой, шмыгаешь носом, мёрзнешь как дворовый пёс. Чувствуешь этот холод. Чувствуешь страх. Но всё ещё жив. Вот это и есть жизнь.

— Петрович, о каких людях ты говоришь? — возразил Сергей. — Нас сколько осталось на Авалоне? Десять тысяч? Нас было десять миллиардов.

— Ты не можешь этого знать. — Петрович затушил окурок о камень. — Наверняка где-то есть такие, как мы. И, думаю, нас таких много. Знаешь, Серёга, счастье — это то, что я ценил всю свою жизнь. Оно приносит радость бытию, самой жизни.

— Смысл жизни в счастье? — переспросил Сергей, в голосе появились нотки сарказма.

— Нет. — Петрович покачал головой. — Смысл в том, чтобы *стремиться* к счастью. Это процесс. Как этот костёр. Он не горит вечно, но пока он горит — он даёт тепло. Мы здесь, в этом лесу, в этом аду. Но мы живы. И мы можем подарить тепло друг другу.

Сергей замолчал. Где-то далеко в лесу ухнула птица. Или это была не птица? Они посмотрели друг на друга, но огонь уже догорал. Пора было спать.

Они погасили огонь, выставили проволоку с консервными банками и легли по разные стороны от тёплых камней. Ночь существовала только по часам. Солнце опустилось к морю, стало красным, прошло над самым горизонтом и снова начало подниматься.

Перед тем как уснуть, Сергей услышал, как в лесу щёлкнула ветка. Потом ещё одна. Будто кто-то тяжёлый шёл вдоль берега, не решаясь приблизиться к огню.

Он протянул руку к «Сайге».

Звук больше не повторился.

II. Лесное

Утром птицы сопровождали их почти два часа. Чайки остались у берега, зато в лесу появились вороны, мелкие бурые дрозды и одна сорока, летевшая за людьми от дерева к дереву. Она садилась впереди, ждала, пока они подойдут, и снова срывалась с ветки.

Петрович первым заметил, что птиц больше нет.

Он остановился так резко, что Сергей едва не налетел на его рюкзак.

— Что?

Петрович поднял руку.

Ветер шевелил верхушки елей, стучали друг о друга тонкие берёзовые ветви. В талой канаве журчала вода. Всё остальное замолчало.

— Сорока отстала, — сказал Сергей.

— Давно.

Они пошли медленнее.

Через полкилометра на стволах появились чёрные пятна. Сначала Сергей решил, что деревья обгорели, хотя следов пожара вокруг не было. Кора оставалась целой, мох у корней зеленел, прошлогодняя хвоя лежала сухим ковром. Чернота проступала из трещин, блестела на солнце и густыми каплями застывала на ветвях.

Петрович поскоблил один ствол ножом. Под корой древесина была мокрой и тёмной, словно дерево наполняли отработанным маслом.

— Смола? — спросил Сергей.

Петрович понюхал лезвие и вытер его о камень.

— У смолы другой запах.

— А здесь?

— Здесь никакого.

Дальше пятен становилось больше. Некоторые ели почернели с одной стороны, другие целиком покрылись жирным блеском. На одной ветке Сергей увидел застывшего шмеля. Насекомое сидело, расправив крылья, и было наполовину погружено в чёрную массу.

— Лесдохнет, — сказал он.

— Лес уже сдох. Просто ещё стоит.

Петрович свернул с дороги. Они обошли особенно густой участок по каменистой возвышенности и вернулись к колее только тогда, когда чёрные деревья остались позади.

Около полудня показались крыши.

На перекошенном щите сохранилось название: «ЛЕСНОЕ». Под ним кто-то позже приписал белой краской: «17 КМ». До какого места отсчитывались эти километры, определить было невозможно.

В деревне насчитывалось меньше тридцати домов. Посередине проходила широкая грунтовая улица, заросшая жёсткой травой. На обочине стоял автобус без колёс. В кабине проросла молодая берёза, ветви которой вышли через разбитое лобовое стекло.

Окна домов были заколочены. Где-то доски прибивали снаружи, где-то изнутри. Сергей дважды заметил следы обуви, но возраст их определить не смог: после дождей земля долго оставалась мягкой и сохраняла отпечатки неделями.

У колодца валялась детская коляска. В ней лежали ржавые инструменты, аккуратно накрытые клеёнкой.

— Жили здесь, — сказал Петрович.

— Давно.

— Инструменты не ржавеют так ровно, если их бросить под дождём. Кто-то накрывал.

Сергей снял «Сайгу» с предохранителя.

Здание сельского склада стояло в конце улицы. Рядом находился амбар, к которому была подогнана повозка. В оглоблях терпеливо ждал серый конь.

Он был худым, с проваленными боками и свалившейся гривой, однако ноги держал уверенно. На шум шагов конь повернул голову и проследил за мужчинами большим влажным глазом.

— Живой, — тихо произнёс Сергей.

— Не ори. А то обидится и перестанет.

Петрович подошёл первым. Конь не отступил. Старик дал ему обнюхать ладонь, провёл пальцами по морде, проверил дёсны и заглянул под ремень упряжи.

Под хомутом тянулось тёмное пятно.

— Натёр? — спросил Сергей.

— Похоже.

Кожа вокруг пятна была холодной и гладкой. Петрович осторожно надавил, но конь даже не вздрогнул.

— Спокойный какой.

— Либо умный, либо сил уже нет.

Возле повозки стояло полное ведро воды. На поверхности плавали иголки и пыльца. Сергей поднёс его к морде, но конь отвернулся.

— Напился, наверное.

Петрович ничего не ответил. Он снял с повозки брезент.

Под ним лежали жестяные коробки, фанерные ящики и мешки из плотной прорезиненной ткани. На крышках сохранились печати:

«СЕМЕННОЙ ФОНД».

«МАТЕРИАЛ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ».

«В ПИЩУ НЕ УПОТРЕБЛЯТЬ».

Ниже шли названия культур и номера партий: рожь, ячмень, овёс, северный картофель, турнепс, морковь, капуста, горох. В отдельном ящике лежали пакеты с семенами лекарственных трав. Среди них обнаружили банки сушёных яблок и груш, очевидно приготовленные в дорогу теми, кто загружал повозку.

Петрович раскрыл один короб. Внутри находились герметичные пакеты, переложённые влагопоглотителем. Он надрезал край контрольного образца, высыпал несколько семян на ладонь и раздавил одно ногтем.

Сергей ждал.

— Ну?

Петрович понюхал сердцевину.

— Сухое.

— Живое?

— Это лаборатория скажет.

— А ты что скажешь?

Петрович закрыл пакет и впервые за весь путь улыбнулся открыто.

— Я скажу, Серёга, что на основной склад можно не ходить. За нас уже всё собрали.

Сергей опустил на край повозки. Ему хотелось смеяться, но после долгой дороги даже радость требовала сил.

— То есть мы можем сейчас запрячься и ехать к порту?

— Конь уже запряжён.

— Даже это сделали.

— Видимо, собирались уезжать.

Петрович посмотрел на дома.

Чья-то работа была закончена почти до конца. Семена вынесли из хранилища, упаковали, погрузили. В повозку положили еду, инструмент, моток верёвки и два шерстяных одеяла. До отъезда оставалось сесть на козлы и взять в руки вожжи.

Никто не уехал.

— Проверим дома, — сказал он.

— Зачем?

— Затем, что конь сам себя не запряг.

Они начали с ближайшей избы.

В первой нашли печь, запас дров и засохшую кровь на половицах. Во второй лежали три матраса, пустые аптечки и ведро, заполненное стреляными гильзами. В третьей комнате кто-то расставил вдоль стены банки с водой. Вода позеленела, но крышки оставались плотно закрученными.

Последний дом стоял в стороне от улицы. Его окна были забиты листами фанеры, а дверь держалась на одном верхнем шарнире. Изнутри пахло сырой тканью, золой и чем-то сладким, испорченным.

Сергей вошёл первым.

В прихожей валялись детские сапоги. Один был больше другого. На стене висела куртка, а в кармане лежали два сухих ягеля и обломок карандаша.

Из комнаты донёсся шорох.

Сергей поднял «Сайгу». Петрович остановился у его плеча, держа пистолет обеими руками.

— Есть кто живой? — спросил Сергей.

Шорох прекратился.

Они двинулись дальше. Половицы под ногами прогибались. Свет проникал через щели в фанере и лежал на полу узкими полосами.

Девочка сидела под окном, прижав колени к груди. На вид ей было лет девять. Волосы слиплись в тёмные пряди, лицо покрывали разводы копоты, на правой щеке засохла кровь. Длинный свитер доходил почти до колен; рукава были так растянуты, что пальцы прятались внутри. Рядом лежала пустая консервная банка с заточенным краем.

Между девочкой и мужчинами стояла женщина.

По крайней мере, когда-то это была женщина. На ней сохранилось ситцевое платье и шерстяные носки. Спиной к двери она смотрела в заколоченное окно, покачиваясь вместе с полосой света. Левая рука свисала ниже колена. Пальцы медленно касались пола, будто перебирали невидимые крупинки.

По щекам девочки текли слёзы. Она не всхлипывала, не звала на помощь, только сильнее вжималась в стену.

— Малышка, — позвал Сергей. — Посмотри на меня.

Девочка подняла глаза.

— Иди сюда. Медленно. Мы тебя не тронем.

Она не двинулась. Её взгляд скользнул к женщине и вернулся к ружью.

— Петрович, прикрой.

— Вижу.

Сергей сделал шаг.

Голова женщины повернулась. Сначала до плеча, затем дальше, пока лицо не оказалось обращено к двери, хотя тело продолжало стоять к ним спиной. В шее один за другим раздались тихие щелчки.

Сергей замер.

Женщина согнулась назад. Позвоночник сложился, как сломанная ветка, затылок коснулся между лопаток. Она упала на руки, не меняя положения ног, и поползла к двери вверх животом. Из раскрытого рта потекла чёрная слюна.

— Стой! — крикнул Сергей.

Существо рванулось вперёд.

Первый выстрел сорвал щепу с пола. Второй попал в плечо, развернул тело, однако оно тут же поднялось на трёх конечностях. Петрович выстрелил один раз. Пуля вошла под глаз.

Существо ударилось о печь и обмякло.

После выстрелов наступила такая тишина, что Сергей слышал, как в соседней комнате капает вода.

Девочка продолжала сидеть у стены. Лицо её изменилось лишь в одном: слёзы перестали течь.

Сергей убрал палец со спуска.

— Всё. Всё закончилось.

Она смотрела на тело.

— Малышка, нам надо уходить.

Петрович присел, не приближаясь к ней, и положил пистолет на пол рукоятью к себе.

— Слышишь меня? Мы пришли с моря. У нас еда. Там конь. Если останешься здесь, всё равно придут другие. Ты знаешь, о ком я.

Девочка моргнула.

— Пойдёшь с нами?

Ответа не последовало.

Петрович протянул ей сухое яблоко. Девочка посмотрела на его руку, потом на лицо. Через несколько секунд она поднялась. Ноги плохо её держали, и Сергей успел подхватить её, прежде чем она ударилась о край стола.

Она не отбивалась. Только повернула голову к мёртвому существу.

Петрович снял с гвоздя платок, пахнувший пылью и печным дымом, и отдал ей. Девочка сжала ткань обеими руками.

Больше из дома они ничего не взяли.

III. Аврора

Из Лесного выехали через час.

Петрович правил повозкой, Сергей шёл рядом, держа «Сайгу» на ремне. Девочка сидела среди ящиков, завернувшись в найденное одеяло. Платок она не выпускала.

Конь двигался ровно. Колёса прыгали по камням, ось скрипела, в коробах шуршали семена. Несколько раз Сергей оглядывался на деревню. Ни в одном окне ничего не появилось.

До Мурманска оставалось около тридцати километров. Они рассчитывали пройти половину пути и остановиться у старого карьера, где карта обещала ручей и площадку, защищённую от ветра.

Девочка не произнесла ни слова.

Сергей пытался спрашивать её имя, возраст, сколько времени она провела в деревне. Она слушала и временами смотрела на него, но губ не разжимала.

— Может, не слышит? — спросил он Петровича.

— Слышит.

— Откуда знаешь?

— Когда колесо скрипит, она морщится.

— Почему тогда молчит?

— Ты бы на её месте много разговаривал?

Сергей оглянулся. Девочка сидела неподвижно, лишь голова покачивалась в такт повозке.

— Нельзя же всё время звать её «малышка».

— Пока можно.

— А потом?

— Потом сама скажет.

Ручей нашли ближе к вечеру. Вода была прозрачной, но Петрович всё равно пропустил её через фильтр и прокипятил. Коня отвели ниже по течению. Он снова отказался пить и застыл у воды, низко опустив голову.

— Не нравится мне это, — сказал Сергей.

— Что именно?

— Не пьёт.

Петрович провёл ладонью по шее животного. Под пальцами перекатывались сухожилия, холодные и твёрдые. Тёмное пятно под хомутом стало шире, хотя в дороге ремень ослабили.

— До города дотянет, — сказал Петрович. — Там разберутся.

— Если город ещё есть.

— Разведка видела дым.

— Дым бывает и без людей.

— Без людей вообще многое бывает. Только скучнее.

Костёр развели за валуном. Девочка сидела рядом, всё ещё завернутая в одеяло. Сергей подогрел в котелке воду, размочил сушёную грушу и положил на крышку от фляги.

— Будешь?

Она посмотрела на еду.

— Там нет ничего плохого. Мы сами из этого ящика ели.

Петрович покосился на него.

— Ты ел.

— А ты что делал?

— Наблюдал за последствиями.

Девочка взяла грушу. Сначала откусила осторожно, затем съела всю и облизала палец. Сергей предложил вторую. Она спрятала кусочек в карман.

— На потом? Правильно.

Петрович наливал воду в кружки.

— Молчунья у нас запасливая.

Девочка подняла голову.

— Не называй её так, — сказал Сергей.

— Ты сам весь день называешь.

— Я передумал. Молчунья — это не имя.

— А «малышка» — имя?

Сергей посмотрел на солнце. Оно стояло над лесом, низкое и рыжеватое, и окрашивало тонкие облака. Через несколько часов свет снова побелеет, так и не уступив места ночи.

— Аврора, — сказал он.

Петрович перестал разливать воду.

— Чего?

— Имя. Заря. Подходит.

— Мы под Мурманском, Серёга. Тут ещё половину слов можно подобрать по погоде. Назови её Изморозью.

— Аврора лучше.

— Из тебя крёстный, как из меня балерина.

Сергей повернулся к девочке.

— Аврора?

Она смотрела на него из-под спутанной чёлки.

— Если не нравится, моргни два раза.

Девочка не моргнула.

— Вот. Согласна.

— Она боится тебя, дурака, — заметил Петрович.

Однако, когда Сергей протянул руку за кружкой, девочка коснулась его рукава. Едва заметно, двумя пальцами. Убедившись, что он обернулся, она показала на ящики с семенами, потом на далёкий лес.

— Везём домой, — сказал он. — Туда, где люди. Там тепло. Насколько это теперь возможно.

Она показала на себя.

— Тебя тоже.

Девочка опустила руку.

Позже, когда Петрович уснул у костра, Сергей остался на дежурстве. Аврора лежала на повозке, свернувшись между коробами. Глаза её были закрыты, но дыхание оставалось неровным.

Конь стоял на краю света, привязанный к сосне.

Он не щипал траву, не переступал ногами и не отгонял мошку. Временами поворачивал голову, следя за Сергеем. Огонь отражался в его глазах маленькими красными точками.

Сергей поднялся, набрал в ладонь воды из ведра и подошёл ближе.

— Пить будешь?

Конь не шелохнулся.

— Молчаливый народ мне сегодня попадается.

Он поставил ведро возле морды и провёл ладонью по гриве. Шерсть была влажной и неприятно холодной. Под хомутом что-то слабо дрогнуло, словно сокращалась мышца.

Конь повернул голову.

Сергей отступил.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, затем животное опустило морду к воде. Сергей вернулся к костру, так и не заметив, что поверхность в ведре осталась неподвижной.

Петрович проснулся через час.

— Чего сидишь с таким лицом?

— Думаю.

— Опять?

— Ты вчера сказал, что смысла на всю жизнь не бывает.

— Мало ли что я говорю ночью.

— А если мы довезём семена, что потом?

— Сдадим.

— И всё?

— Отмоемся. Поедим горячего. Я напишу отчёт, который никто не прочитает. Тебя отправят чинить насосы.

— Прекрасное будущее.

Петрович сел, натянул шапку и посмотрел на спящую девочку.

— Ей место найдём.

— В Авалоне и так нормы урезают.

— Одну девчонку прокормим.

— А если таких тысячи?

— Тогда будем думать про тысячи.

Сергей помешал угли веткой.

— Ты правда веришь, что можно всё вернуть?

— Всё возвращают только дураки. Ты попробуй вернуть хотя бы то, без чего нельзя жить.

— Еду?

— Еду. Воду. Людей, если попадутся.

Он кивнул на Аврору.

— И право спорить из-за вкуса помидоров.

Сергей усмехнулся.

— Значит, счастье всё-таки в помидорах?

— Счастье — когда они есть, а ты можешь сказать, что не любишь.

Сергей хотел ответить, но с повозки донёлся короткий звук. Аврора смеялась без голоса, закрыв рот краем одеяла.

Петрович услышал и тоже улыбнулся.

— Спать ложись. Я покараулю.

— Спасибо тебе, Петрович. Надежный ты дядька.

— Задача старшего поколения — оберегать мирный сон молодёжи. Петрович подкинул полено в костёр. Сергей тихо зевнул и вскоре уснул. Старик остался один — у огня, под белым северным небом.

IV. Дорога

Чёрные деревья вернулись после ручья.

Сначала отдельные, потом целыми полосами. Маслянистая влага сочилась по коре и стекла в канавы. Там, где она попадала на мох, зелень становилась серой и оседала, будто её ошпарили.

Петрович старался держаться середины дороги. Конь начал идти быстрее, хотя его никто не подгонял. Повозку трясло. Семенные короба били друг друга металлическими углами.

— Придержи груз! — крикнул Петрович.

Сергей забрался назад и подтянул ремень. Аврора сидела у переднего борта, вцепившись в доску. Она смотрела на лес справа.

— Что там?

Девочка подняла руку и показала между деревьями.

Сергей различил движение. Низко над землёй скользнула тёмная спина. Потом исчезла за валежником.

Он стукнул Петровича по плечу.

— Не останавливайся.

— И не собирался.

Первое существо вышло на дорогу впереди. Оно двигалось на четырёх конечностях, хотя задние ноги ещё сохраняли человеческую форму. На теле висели остатки рабочей куртки. Голова была опущена почти к груди, а из плеча рос длинный чёрный отросток, волочившийся по земле.

Конь шарахнулся.

Петрович натянул вожжи, удержал повозку от падения и выхватил пистолет.

— Слева! — закричал Сергей.

Второе существо прыгнуло из канавы. Сергей выстрелил почти в упор. Дробь отбросила его под колёса. Повозка подпрыгнула, задела телом и накренилась.

Аврора открыла рот, но крик не вышел.

Существо впереди бросилось к коню. Петрович дважды выстрелил. Первая пуля ушла в землю, вторая ударила в шею. Тварь завертелась на месте, цепляя дорогу длинной рукой.

Из леса донёлся треск.

Между стволами двигались ещё трое.

— Гони! — крикнул Сергей.

Петрович хлестнул вожжами. Конь рванул так сильно, что старика отбросило назад. Повозка проскочила мимо первого существа. Оно успело ударить по борту и вырвало доску.

Сергей опустил на колено, стрелял назад короткими паузами, экономя патроны. Одна тварь упала. Другая продолжала бежать, не обращая внимания на выбитый кусок плеча.

Дорога пошла под уклон. Колёса застучали быстрее.

Существо выскочило слева и вцепилось в край повозки. Петрович развернулся, прижал пистолет к его голове и нажал на спуск. Брызнула чёрная жидкость. Тварь сорвалась, но её рука обвилась вокруг запястья старика.

Петрович выпал с козел.

— Стой! — Сергей схватился за борт.

Повозка протащила Петровича несколько метров. Он ударился плечом о камень, выронил вожжи и исчез под задним колесом. Конь продолжал нестись.

Сергей перепрыгнул вперёд, поймал вожжи.

— Петрович!

Старик лежал посреди дороги. Он попытался подняться, но левая нога подвернулась. Существо уже ползло к нему. Из леса выходили остальные.

Петрович нашёл пистолет и выстрелил. Щёлкнул затвор.

— Стой! Я вернусь!

— Куда ты вернёшься?! — заорал Петрович. — Девчонку увози!

Сергей потянул вожжи. Конь бил копытами по камням, не слушался. Повозка уходила дальше.

Петрович сидел на дороге, привалившись спиной к ели. На груди расплзалось тёмное пятно. Он вставил новый магазин и поднял пистолет.

— Не бросай её, Серёга!

Первый выстрел Сергей услышал отчётливо. Второй слился со стуком колёс. Третий донёсся уже издалека.

Потом стрельба прекратилась.

Сергей не оборачивался. Он гнал коня, пока чёрный лес не остался позади, пока дорога не вышла к пустым дачным участкам и ржавым опорам линии электропередачи.

Лишь тогда он остановил повозку.

Аврора сидела на полу среди ящиков. С её подбородка капала кровь: при падении она прокусила губу. Сергей хотел проверить рану, но девочка оттолкнула его руку.

— Он сам велел ехать.

Она смотрела на него.

— Ты слышала.

Аврора не двигалась.

Сергей сел на землю. Ружьё лежало рядом. Он снял магазин, пересчитал патроны, вставил обратно. Пальцы дрожали так сильно, что с первого раза попасть в приёмник не удалось.

— Если бы я остановился, погибли бы все, — сказал он.

Девочка продолжала смотреть.

— Он это понимал.

Она отвернулась.

Через несколько минут Сергей поднялся, проверил ремни на коробах и снова взял вожжи.

— Поехали. Иначе всё было зря.

Аврора забралась на козлы и села рядом. Когда повозка тронулась, она положила ладонь поверх его руки.

Сергей так и правил одной рукой до самого города.

V. Мурманск

Город начинался с обгоревших гаражей и бетонных коробок, в которых ветер перекачивал мусор. На перекрёстке лежал перевернутый троллейбус. Контактные провода провисли над улицей, почти касаясь крыши повозки.

Сергей ожидал увидеть дым над портом, но сначала услышал выстрелы. Короткая очередь прокатилась между домами и оборвалась. Затем из громкоговорителя донеслось искажённое:

— Движение на дороге! Остановиться! Руки держать на виду!

Из-за бетонных блоков вышли семь человек в разном обмундировании. На одном был старый армейский бронежилет, на другом — спасательный комбинезон, третий носил строительную каску поверх шерстяной шапки. Одинаковыми у них оставались только белые ленты на рукавах.

Трое держали оружие наготове. Ещё двое прикрывали улицу. Молодой солдат с длинным лицом нёс переносной сканер, собранный из медицинского анализатора и военного детектора.

— Стой! — повторил офицер.

Сергей натянул вожжи.

Конь остановился.

— Кто такие?

— Авалон. Экспедиционная группа с «Аркадии».

— Документы на землю.

Сергей медленно достал пластиковый жетон и бросил перед повозкой. Один из солдат поднял его, передал офицеру.

— Второй где?

Сергей посмотрел на пустое место рядом с собой.

— Не дошёл.

Офицер задержал взгляд на пятнах крови на козлах, затем указал на груз.

— Что везёшь?

— Семенной фонд. Ячмень, рожь, овощные культуры, лекарственные травы. В верхних коробах еда.

При слове «еда» один из солдат повернул голову к повозке. Офицер одёрнул его взглядом.

— Девочка зарегистрирована?

— Нашли по дороге.

— Где?

— В Лесном.

Люди у блокпоста переглянулись.

— Там уже месяц никого нет, — сказал солдат со сканером.

— Теперь точно нет.

Аврора сидела, прижавшись к Сергею. Грязь на её лице потрескалась. В пальцах она сжимала платок из деревенского дома.

Офицер подошёл ближе.

— Как зовут?

Девочка промолчала.

— Онемела, — сказал Сергей. — Или просто не хочет говорить.

— Откуда знаешь, что она чистая?

— Не знаю.

Ружья поднялись чуть выше.

Сергей медленно положил «Сайгу» на дно повозки.

— Потому и привёз. Проверяйте.

Пока солдат включал сканер, самый молодой из военных подошёл к коню. Ему едва исполнилось двадцать. На левом рукаве вместо белой ленты была повязана детская наволочка с синими цветами.

— Настоящий, — пробормотал он.

— Руками ничего не трогать, Клим, — предупредил офицер.

— Я коней с детства знаю. У деда трое было.

Клим поднёс ладонь к морде. Конь обнюхал пальцы.

— Серый ты бедолага. Как же ты сюда дошёл?

Он погладил его по лбу, провёл рукой вдоль шеи и нащупал тёмное пятно под хомутом.

Сканер пискнул.

Солдат провёл прибором возле Сергея. Экран оставался зелёным. Затем направил его на Аврору.

Сигнал повторился, громче.

— Есть фон, — сказал он.

Все стволы повернулись к девочке.

Сергей заслонил её плечом.

— Подождите. Она была рядом с заражённой. Это может быть остаточное.

— Отойди от ребёнка.

— Проверьте ещё раз.

— Отойди!

Аврора вцепилась в его рукав.

Сканер захлебнулся частыми сигналами. На экране появилась красная полоса.

— Чужая сигнатура! Близко!

Клим успел повернуть голову.

Чёрное пятно под хомутом раскрылось.

Оно не разорвалось и не потекло. Кожа коня мягко разошлась вокруг ладони солдата и втянула её до запястья. Клим закричал, дёрнулся назад. Из-под шерсти выскользнули чёрные нити, обвили предплечье и потянули глубже.

Конь открыл пасть.

Челюсть разошлась до самой шеи. Между зубами набухла густая тёмная жижа, из которой двигались тонкие белые отростки. Глаз животного лопнул, и из глазницы хлынула блестящая масса.

Клим выстрелил из пистолета, не целясь. Пули вошли в морду, однако рука уже исчезла внутри шеи. Тело солдата ударились о коня и стало проваливаться вслед за рукой.

— Огонь! — крикнул офицер.

Семь стволов заговорили почти одновременно.

Конь дёрнулся. Его грудь раскрылась чёрными складками. Из них хлестнули длинные жгуты, каждый толщиной с палец. Один пробил солдату горло. Второй обвил автомат и вместе с оружием вывернул человеку плечо. Третий ударил по сканеру, расколов корпус.

Повозка опрокинулась.

Аврора упала между ящиками. Сергей прикрыл её собой. Над ними пролетели щепки, гильзы и чёрные капли, прожигавшие ткань там, где касались её.

Один из солдат бросил зажигательную шашку. Она ударилась о круп коня, вспыхнула белым пламенем. Существо завизжало несколькими голосами сразу. В этом звуке слышалось ржание, человеческий крик и скрежет металла.

Из почерневшего тела вырос длинный хвост-жгут.

Он прошёл сквозь грудь Сергея, вышел под лопаткой и поднял его над землёй.

Боли сначала не было. Сергей увидел собственные ноги, не достающие до асфальта, и удивился этому больше, чем удару. Затем жгут выдернулся. Он упал рядом с перевёрнутой повозкой.

Стрельба продолжалась.

Офицер и солдат со сканером отступали к бетонным блокам, меняя магазины. Остальные уже лежали на дороге. Пламя добралось до головы существа. Чёрная масса пыталась уйти в землю, но асфальт не принимал её.

Офицер выстрелил последнюю очередь почти в упор.

Существо осело. Внутри обугленного конского тела что-то ещё несколько секунд сокращалось, затем затихло.

На дороге остались двое военных.

Металлические короба с семенами рассыпались вокруг повозки. Некоторые помялись, но крышки выдержали. Один ящик раскрылся, и пакеты с рожью лежали на асфальте среди гильз и чёрной крови.

Аврора выбралась из-под досок.

Сергей лежал на спине. Руки его ещё двигались, словно он пытался найти ружьё. Девочка подползла к нему и ухватила за рукав.

— Серёжа...

Голос оказался хриплым и тихим.

Он повернул голову. Один глаз уже не видел, второй с трудом удерживал её лицо.

— Серёжа, вставай. Мы добрались.

Он попытался вдохнуть. Вместе с воздухом в горл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.